

Н. А. ЕСЬКОВА

О ПРИНЦИПАХ СОСТАВЛЕНИЯ РУССКОГО
НОРМАТИВНОГО СЛОВАРЯ ОРФОЭПИЧЕСКОГО ТИПА

В настоящей статье рассматриваются основные вопросы, необходимость решения которых возникла в связи с коренным пересмотром словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение»¹. Это следующие вопросы: 1) об объеме информации, которую целесообразно сообщать в словаре такого типа, 2) о составе словника такого словаря, 3) о литературной норме и ее отражении в словаре.

1. Словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» (М., 1959) под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (далее АО-59) имеет широко применяемое неофициальное наименование «орфоэпический словарь», как и предшествовавший ему опыт словаря-справочника «Русское литературное ударение и произношение» (М., 1955; далее АО-55); во вступительных статьях к этим словарям дается определение орфоэпии как совокупности норм устной речи — произношения и ударения.

Ориентация на понятие «орфоэпия» определяет в АО-55 подачу сведений грамматического характера. Указание на иные словоформы, кроме исходных, подчинено в этом словаре основной цели — сообщению сведений² о произношении и ударении. Это сделано не вполне последовательно³, на что обратил внимание рецензент словаря Л. В. Копецкий, подчеркнувший необходимость в принципе решить вопрос о месте грамматической информации в пособии по орфоэпии. Сам он склоняется к такому решению: «По-видимому, орфоэпический справочник должен давать последовательно указания и рекомендации о „правильном“ и „неправильном“ в языке вообще, о всех колебаниях и распространенных нарушениях произносительной нормы, которые могут проявляться, естественно, не только в основной форме слова, но и в любой форме изменяемых слов»⁴.

В АО-59, созданном на основе АО-55, поставленный Л. В. Копецким принципиальный вопрос решен не был, но была значительно расширена грамматическая информация, не необходимая с «собственно орфоэпической» точки зрения. Словарь этот, по количеству сведений о неисходных словоформах превосходящий едва ли не все другие словари русского языка, дающие грамматическую информацию⁴, еще более, чем АО-55, заслуживает упрека в непоследовательности.

¹ Работа ведется в Институте русского языка АН СССР под руководством Р. И. Аванесова.

² Например, для сведений о произношении и ударении не нужны такие приведенные в АО-55 словоформы: род. мн. *юношей*, мн. *сосёди*, *-ей*, *-ям*, мн. *стулья*, *-ьев*, мн. *телята*, *-ят*, прош. *гас*, *-ла*, прош. *вверг*, *-ла*, деепр. *вьтерев* и *вьтерши* и т. п. Из парадигм существительных *игла* и *игра* следовало бы исключить словоформы родительного множественного *игл* и *игр*, оставив только *иглы*, *иглам* и *игры*, *играм*, и т. д.

³ Л. К о п е ц к и й, [рец. на кн.:] «Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника», ВЯ. 1957, 2, стр. 119.

⁴ Так, в этом словаре последовательно даются формы сравнительной степени на *-е* (включая некоторые малоупотребительные формы — типа *дераче*, *метче*, *робче*), формы

Для оценки принятого в АО-55 принципа подачи грамматической информации необходимо представить себе, какое место занимают в языковой системе произношение и ударение.

Термином «произношение» принято обозначать совокупность тех черт реального звучания словоформ, которые считаются нерелевантными для морфологического описания. Описание морфем и слов обычно делают, представив их звуковой состав в тех единицах, которые непосредственно не даны в их реальном звучании и к которым приходят путем ряда операций — фонемах или морфонемах. С точки зрения произношения представляет интерес все то, что отличает состав словоформ, выраженный в таких единицах, от их реального звучания. Что же касается сведений о месте ударения в русских словоформах, то они, относясь к морфонологии, составляют органическую часть морфологического описания.

Произношение и ударение представляют собой, таким образом, принципиально разные явления. Их сближает в какой-то мере одно обстоятельство внешнего порядка. Русское письмо, как известно, близко передает фонемный (при другой точке зрения — морфонеменный) состав словоформ. Между письменным отражением словоформ и их реальным звучанием существуют регулярные соответствия (в практическом плане именуемые «правилами чтения») и менее регулярные соотношения, диктующие необходимость индивидуальных указаний для определенных групп словоформ и даже для отдельных словоформ — так называемых «произносительных помет». Таким образом, переход от орфографического облика словоформ к их реальному звучанию невозможен без некоторой совокупности сведений, относящихся к произношению. Он невозможен и без дополнительной информации о месте ударения в словоформах (в русском письме знак ударения не используется). Эта необходимость в дополнительной произносительной и акцентологической информации дает право на существование прикладной дисциплины, занимающейся произношением и ударением в аспекте правильности, т. е. орфоэпии⁵.

Опыт АО-55 и АО-59 показывает, что ориентация на понятие «орфоэпия» при установлении того, какая грамматическая информация должна быть представлена в словаре, приводит к решению, которого очень трудно придерживаться последовательно (не случайно непоследовательность АО-55 в АО-59 не устранена, а усилена). Вычленение «орфоэпически необходимого» набора словоформ из всей совокупности словоформ парадигмы оказывается неоправданным с точки зрения системных грамматических отношений. С практической точки зрения такое решение также сомнительно.

Является ли ориентация на понятие «орфоэпия» необходимым отправным пунктом при создании словаря такого типа, как АО-55 и АО-59? Самая существенная черта обсуждаемых словарей — то, что они не являются толковыми (заметим, что они не являются также и орфографическими, т. е. специально не решают задач, связанных с письменной передачей словоформ)⁶. Речь идет, таким образом, о нетолковом нормативном словаре, и следует решить, какой его вариант — с точки зрения объема сообщаемой информации — наиболее целесообразен. К ответу на этот вопрос можно прийти, ориентируясь на представление

деепричастий совершенного вида некоторых глаголов непродуктивных классов, образуемые с помощью суффиксов *-ши* или *-я* (*влезши, вползши, извлечши, подметя, принеся, отведя* и т. п.), последовательнее, чем в других словарях, представлены нестандартные формы причастий и др.

⁵ Здесь отражено то понимание орфоэпии, которого придерживается Р. И. Аванесов (см. «Русское литературное произношение», 4-е изд., М., 1968, стр. 8).

⁶ Следует отдать себе отчет в том, что подобным лексикографическим изданиям лишь условно может быть присвоено название «словарь», поскольку в них нет характерной для словаря двучленности (слово — толкование или перевод и т. п.).

о некотором полном словарном описании языка. Реально такого описания (по крайней мере для русского языка) не существует, но те словари, которые принято именовать толковыми, в какой-то мере к нему приближаются. В идеале толковый словарь должен представлять собой полное синхронное описание языка в словарной форме. Каждая словарная статья в составе такого описания должна содержать исчерпывающий набор сведений о соответствующем слове. Естественно, должны быть исчерпывающе охарактеризованы как внутренняя сторона языкового знака (означаемое), так и внешняя (означающее). Сведения, относящиеся к означающему, для русского слова складываются, по-видимому, из: 1) сведений о фонемном составе каждой словоформы соответствующей парадигмы, 2) сведений о ее акцентовке, 3) сведений о реальном звучании каждой словоформы в речи, т. е. о ее произношении.

Словарь обсуждаемого типа не может выходить за пределы сведений, относящихся к внешней стороне языкового знака, но он может ставить своей задачей сообщать эти сведения в максимально полном объеме, не внося тех ограничений, которые диктуются ориентацией на понятие «орфоэпия». Определенные ограничения оказываются все же целесообразными. В словаре рассматриваемого типа легко сообщать только те сведения о внешнем устройстве парадигм, которые не нуждаются в привлечении содержательной информации⁷. Указания на парадигматические различия, однозначно определяемые сведениями содержательного характера, в рамках данного словаря связаны с большими трудностями. Так, было бы чрезвычайно затруднительно представить в нетолковом словаре различия парадигм одушевленных и неодушевленных существительных (ср. вин. ед. и мн. от *рыбак* и *кабак*: *рыбака*, *рыбаков* и *кабак*, *кабаки*), так как для этого в ряде случаев требуется дифференцированная подача разных значений слова (ср., например: *кулак* «кисть руки, сжатая для удара» и «закиточный крестьянин, эксплуатирующий односельчан», *лицо* «передняя часть головы человека» и «человек как отдельный индивидуум», *пугач* — «игрушечный пистолет» и «лесной филин» и т. п.). То же относится к случаям, когда состав словоформ парадигмы неодинаков у слов разной семантики (ср. парадигмы существительных *роза* и *проза*, первое из которых включает словоформы единственного и множественного числа, а второе — только единственного), где тоже не обойтись без дифференциации разных значений слова (ср. *мелочь* «разменная монета» и «пустяк»; в первом значении множественное число отсутствует).

Указанные ограничения в подаче сведений о внешней стороне словоформ определяются не столько принципиальными, сколько практическими соображениями. Вырисовывающаяся из предшествующего изложения разновидность словаря теоретически представляет собой некоторую совокупность извлечений из исчерпывающего словарного описания⁸. Если бы такое описание реально существовало и практическая задача сводилась к извлечению из него готовых сведений, вопрос о том, каким кругом сведений следует ограничиться, ставился бы не так, как приходится его ставить при современном состоянии лексикографической практики. Многих сведений о словах, тесно связанных с раскрытием их значений, не содер-

⁷ Конечно, в ряде случаев нельзя обойтись без минимальных указаний на семантические различия. Это относится, например, к словам с омонимичными исходными словоформами и парадигматическими различиями (*образ* «икона» — *образ*, *-ов* и *образ* «облик, подобие» — *образы*, *-ов*), к словам с тождественным фонемным составом при различной акцентовке (типа *мука* — *мука́*, *замок* — *замо́к*).

⁸ Ср.: «С точки зрения лексикографической Справочник представляет выделенную из словарных статей или, точнее, из грамматического комментария этих статей (толковых, нормативных или больших двуязычных словарей) произносительную и акцентную части» (Л. К о п е ц к и й, указ. соч., стр. 117).

жится ни в одном из существующих толковых словарей. Так дело обстоит, в частности, и с указанием на некоторые внешние парадигматические различия, определяемые содержательными сведениями (например, ни один словарь не содержит данных об одушевленности — неодушевленности существительных). Попытаться впервые дать такие указания в нетолковом словаре вряд ли имеет смысл. Составление словаря, сообщающего ограниченные сведения, при невозможности извлечь их в готовом виде из «более полного» словаря, обязывает к самостоятельному решению ряда задач, и имеет смысл вычленять только такие задачи, которые целесообразно решать отдельно. С этой точки зрения представляется актуальным создание словаря, сообщающего последовательно и исчерпывающе⁹ сведения, относящиеся к внешней стороне словоформ. Как известно, существующие толковые словари в этом отношении не вполне надежны¹⁰. Отдельное решение этой задачи в нетолковом словаре (где ее решить практически легче) могло бы иметь значение для последующих толковых словарей, при составлении которых можно было бы воспользоваться готовыми сведениями.

Допустимо ли, чтобы за словарем установленного типа, т. е. за таким словарем, в котором бы (в оговоренных выше границах) исчерпывающе сообщались сведения о внешнем устройстве парадигм, а также сведения о происхождении, было сохранено название «орфоэпический словарь»? Такое наименование словаря вполне закономерно, если придерживаться «широкого» понимания орфоэпии, в соответствии с которым орфоэпическим является всякий вопрос правильного звучания слова, независимо от того, закономерностями какого языкового уровня эта правильность определяется. (С этой точки зрения в ведение орфоэпии входит, например, оценка словоформ *делов, хужее, ездию*¹¹). Если же не выходить за пределы наиболее привычного в наше время понимания орфоэпии как совокупности норм происхождения и ударения, приходится признать, что предлагаемый здесь тип нетолкового нормативного словаря решает более широкий круг задач, чем собственно орфоэпические. Но все же орфоэпическая информация в нем безусловно преобладает. Поэтому если бы такому словарю было присвоено название орфоэпического, степень допущенной неточности была бы не очень значительной¹².

2. Словник словаря рассматриваемого здесь типа вряд ли целесообразно составлять из расчета полного охвата лексики, так как при этом в него будут включены многие десятки тысяч слов, не имеющих никаких особенностей во внешнем облике словоформ и целиком укладывающихся в стандартные морфологические и акцентные схемы. Для этого словаря должен быть выработан особый принцип отбора слов, отличающийся от того, который применяется при составлении толковых и двуязычных словарей с неполным охватом лексики. Отбор должен производиться так, чтобы словарь максимально полно охватил слова, обладающие теми или иными особенностями внешней структуры. В первую очередь это касается слов,

⁹ Что, естественно, не исключает сокращенной формы подачи.

¹⁰ См. об этом: А. А. З а л и з н я к, Русское именное словоизменение, М., 1967, стр. 106—107.

¹¹ Такое понимание орфоэпии восходит к античной традиции (см. определение этого термина в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо).

¹² А может быть, неточности и вообще нет? Объектом орфоэпического словаря (как и любого лингвистического) являются слова, которые, конечно, не равны исходным словоформам, традиционно используемым в качестве заголовков словарных статей, а представляют собой совокупности словоформ, образующих парадигмы. Не обязывает ли это обстоятельство к тому, чтобы любой лингвистический словарь давал представление обо всей совокупности словоформ, составляющих парадигму? Тогда это требование должно быть предъявлено и орфоэпическому словарю.

составляющих закрытые ряды, т. е. тех слов, которые должны быть заданы списком в грамматическом описании, претендующем на полноту. Сюда относятся, в частности, слова всех частей речи с подвижным ударением, глаголы непродуктивных классов, существительные и прилагательные, парадигмы которых включают словоформы, отклоняющиеся от морфологического стандарта¹³. Следует стремиться максимально полно представить и такие слова, парадигмы которых не определяются однозначно исходными словоформами или включают в себя отдельные формально непредсказуемые словоформы¹⁴. Конечно, с максимальной степенью полноты должны быть охвачены слова, о произношении которых нельзя полностью судить на основании их орфографического облика, т. е. такие, которые нуждаются в произносительных пометах.

Приняв такой принцип составления словника, следует помнить о возможности взаимодействия разных морфологических и акцентных типов. Так, существуют слова с неподвижным ударением, имеющие основы такого строения, которое определяет возможность воздействия на них определенных типов подвижного ударения¹⁵. Подобные проницаемые для тех или иных воздействий группы слов при составлении словника должны быть на особом учете. Не следует упускать из виду и возможность акцентного взаимодействия словообразовательных типов, которое является одним из источников возникновения колебания ударения¹⁶. Предлагаемый принцип организации словника (изложенный здесь очень кратко) обеспечивает включение в словарь всех «сомнительных» и «трудных» слов (с точки зрения произношения, ударения, формообразования).

Какое решение следует принять в отношении слов, не обладающих перечисленными выше признаками, т. е. таких, внешняя структура которых целиком определяется стандартными схемами и застрахована от воздействий, а произношение может быть установлено на основании орфографического облика? Должны ли они остаться за пределами словаря рассматриваемого типа? Такое решение, очевидно, возможно. При этом достигается максимальное сокращение объема словника — и только

¹³ В их число входят, в частности: существительные мужского рода с нулевой флексией в родительном множественного (например: *ампер, ватт, вольт; валенок, сапог, чулок, погон; солдат, партизан; грузин, осетин, румын, башкир*); существительные 1-го склонения, имеющие словоформы родительного множественного с флексией *-ей* вместо морфонологически закономерной нулевой (*юношей, распрей, розлей, саклей, офеней, дядей* и т. п.); прилагательные с нестандартным соотношением между краткой формой мужского рода и остальными словоформами (типа *безукоризнен — безукоризненна, легкомыслен — легкомысленна*; стандартное соотношение представлено в словоформах с беглыми гласными типа *обыкновенный — обыкновенен*).

¹⁴ Сюда относятся: все существительные с основами на мягкие и шипящие согласные и нулевой флексией в именительном падеже единственного числа, так как у них парадигма формально невыводима из исходной словоформы (ср.: *нехристь — нехристя — нехристом* и *нечисть — нечисти — нечистью*); все существительные *pluralia tantum*, так как у них словоформы родительного падежа не могут быть формально выведены из именительного (ср.: *дебаты — дебатов* и *хлопоты — хлопот*).

¹⁵ Существует, например, тенденция распространения подвижного ударения схемы *с* (по А. А. Зализняку) на существительные мужского рода с неподвижным ударением на односложной основе (реализация этой тенденции в профессиональной речи и в просторечии дает такие варианты словоформ множественного числа, как *шумь, -бь, крань, -бь* и т. п.). Существительные мужского рода с неподвижным ударением на двусложной начальнударной основе также проницаемы для схемы *с*, но при этом именительный множественного имеет непременно флексию *-á* (см. такие ненормативные словоформы, как *выходá, -бь, плинтусá, -бь*, и т. п.).

¹⁶ Так, колебание ударения в случаях типа *запасный — запасной, переобдныи — переводной, отводный* — *отводной* объясняется акцентным взаимодействием отыменных и отглагольных образований: *переводный* от *перевод* и *переводной* от *переводить* и т. д. Колебание ударения в сложных словах *кил^вметр, миллиметр* и др. вызвано воздействием на них образований с «суффиксоидом» *-метр*, оформляющим названия приборов: *спидметр, барометр, арифмометр* и т. п.

за счет слов, не вызывающих у говорящих затруднений. Однако лексический состав языка получил бы в этом случае в словаре крайне однобокое отражение, причем эта однобокость не имела бы и узко утилитарного оправдания. Реализация изложенного выше принципа отбора слов приводит к включению в словарь также и многих тысяч слов, практически не являющихся «трудными», но имеющих такую внешнюю структуру, которая делает их потенциальными участниками происходящих в языке процессов взаимодействия и взаимовлияния¹⁷. Словник составляется, таким образом, с большим «запасом», и это определяется в первую очередь не практическими соображениями, а ориентацией на системные отношения — морфологические и акцентные. Можно, очевидно, ожидать от словаря рассматриваемого типа (не являющегося словарем неправильностей или трудностей со словником всего в несколько сот слов) известной «представительности» по отношению к лексике языка в целом; поэтому желательно включить в него наиболее употребительные слова — независимо от наличия у них тех или иных внешних особенностей. Четких критериев для такого отбора не существует, в связи с чем эта не строго обязательная часть словника может получиться больше или меньше — с колебаниями в пределах нескольких тысяч слов¹⁸.

3. Еще не изжито полностью противопоставление нормативного подхода к языковым явлениям их научному описанию, находившее столь мощную опору в знаменитой фразе А. А. Шахматова: «Странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить». Даже известная статья А. М. Пешковского, показывающая с полной убедительностью настоятельную потребность общества в нормализаторской деятельности лингвистов, не снимает полностью представления о том, что нормативный подход не научен. Сравнительно недавнее высказывание, показывающее живучесть этой точки зрения, принадлежит А. Мартине: «...понятие „научный“ противопоставляется понятию „предписывающий“». Что касается лингвистики, то здесь особенно важно настаивать на научном, не предписывающем характере исследования: ввиду того, что предметом этой науки является человеческая деятельность, у лингвиста может возникнуть искушение вместо беспристрастного наблюдения заняться языковым регламентированием: перестать замечать, как и что говорится в действительности, с тем чтобы указать, как и что следует сказать»¹⁹.

Такому взгляду противостоит иная точка зрения: «Некоторые думают, что нормативный словарь не может быть научным, и готовы противопоставлять нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю. Может быть, норму иногда трудно подметить, но это уже несчастье исследователя и не имеет никакого отношения к принципиальной стороне дела»²⁰. По определению А. М. Пешковского, «объективной

¹⁷ Среди слов, подлежащих включению в словарь, были упомянуты существительные мужского рода с неподвижным ударением на односложной основе как подверженные воздействию подвижного ударения (схемы с). Практически многие сотни таких существительных не захвачены этой тенденцией (например: *бак, взрыв, енух, зал, залп, звук, злак, знак* и т. п.).

¹⁸ Например, такие слова, как *базар, бульвар, вагон, гитара, диван, журнал, канал, контора* и т. п. непременно должны войти в словарь (если будет принято предложенное решение). Но вряд ли можно с той же степенью уверенности высказаться в пользу включения в словарь, например, слов: *бедокур, липучка, подковырка, русофил* и т. п.

¹⁹ А. М а р т и н е, Основы общей лингвистики, «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 369.

²⁰ Л. В. Щ е р б а, Опыт общей теории лексикографии, «Избр. работы по языкознанию и фонетике», I, Л., 1958, стр. 64—65.

точкой зрения на предмет следует считать такую точку зрения, при которой эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение — познавательное»²¹. Объектом такого отношения может быть и языковая норма — если смотреть на нее как на объективно существующее явление, неотъемлемо присущее языку. Тогда следует говорить не о противопоставлении нормативного описания научному, а о противопоставлении разных типов научного исследования: таких, где норма сама является объектом исследования или нормативная квалификация фактов так или иначе учитывается (это обычно для синхронных описаний), и, с другой стороны, таких, в которых норма принципиально игнорируется (это характерно, например, для сравнительно-исторических исследований, для исследований, выполненных методом внутренней реконструкции).

Проблема нормы возникает только тогда, когда существует возможность выбора из разных средств выражения, предоставляемых языковой системой²². Этот осуществленный выбор и есть, в сущности, то, что называют нормой. Поскольку такой выбор неизбежно производится каждым говорящим, любая индивидуальная речевая практика характеризуется своими «нормами». Составителя нормативного словаря интересует некоторая усредненная норма — совокупность норм, принимаемых коллективом говорящих, которые квалифицируются как «носители литературного языка». Литературная норма не может быть извлечена из речевой практики некоего «идеального» носителя языка или небольшой группы таких носителей. Ее исследование требует привлечения огромного количества фактов, извлеченных из разнообразных источников, относящихся как к письменной, так и к устной речи.

Наши современные знания о литературной норме и методы ее изучения еще очень несовершенны. Не выработано еще четких критериев для определения того, кого считать носителем литературного языка, а без этого невозможна серьезная постановка вопроса об установлении нормы на основе массовых статистических обследований. Приходится констатировать, что современный исследователь вынужден довольствоваться весьма далеким от совершенства (чтобы не сказать «кустарным») способом установления литературной нормы. Ему, в сущности, доступно лишь следующее: используя все известные ему факты, учитывая все выявленные системные отношения, представляя себе в каждом отдельном случае направление развития языка, составить собственное субъективное представление о том, каково в настоящий момент объективное состояние литературной нормы. Представление это тем ближе к истине, чем больше учтено фактов (и, естественно, чем «доброкачественнее» материал), чем лучше изучена система литературного языка и, наконец, чем выше профессиональные качества исследователя (в частности, его языковое чутье). Такая субъективность — субъективность специалиста, профессионально отвечающего за принимаемые им решения, конечно, совсем не то, что субъективность обычного носителя языка, часто склонного к тому, чтобы считать свою индивидуальную речевую норму единственной и не подлежащей оспариванию. Субъективное представление квалифицированного исследователя в той или иной степени приближается к объективному положению вещей. К этому случаю в известной мере приложимо то, что в свое время писал Г. О. Винокур в возражение Б. В. Томашевскому, говорившему о «глубоком субъективизме» филологического метода критики тек-

²¹ А. М. Пешковск и й, Объективная и нормативная точка зрения на язык, «Избр. труды», М., 1959, стр. 50.

²² Ср.: Ф. П. Филин, Несколько слов о языковой норме и культуре речи, «Вопросы культуры речи», VII, М., 1966, стр. 17.

ста: «Субъективизм этот... покоится на прочных и рациональных научных основаниях, на законах понимания, и в тенденции своей, в идеале, к которому он устремлен, дает знание объективное, строгое и точное»²³.

Взгляд на норму как на объективно присущее языку явление, если придерживаться его последовательно, существенным образом влияет на решение некоторых конкретных вопросов нормализации, в частности, на подход к языковым вариантам. Распространенная нормализаторская установка (которую хочется назвать «нормализаторским предрассудком») заключается в том, чтобы по возможности избегать в нормативном описании вариантов словоформ²⁴. Эта установка достаточно отчетливо выражена в АО-55 и АО-59. Во вступительной статье к АО-55 сказано: «Варианты в произношении и ударении отдельных слов, как правило, не даются, так как словарь имеет целью рекомендовать произношение и ударение, соответствующее нормам современного русского литературного языка. Однако в необходимых случаях даются варианты, обычно с особыми пометами» (стр. 9). Вступительная статья к АО-59 содержит следующую формулировку: «Настоящий словарь является нормативным словарем. Это значит, что он ставит целью устранить колебания в области произношения и ударения, рекомендуя основной, правильный вариант» (стр. 7). В предисловии к АО-55 наличие в словаре известного количества вариантов объяснено так: «При настоящем состоянии науки о нормах русского литературного языка не представлялось возможным провести нормализацию более строго, чем это сделано в словаре. Дальнейшая научно-исследовательская работа поможет глубже понять исторические закономерности развития русского литературного произношения и ударения и откроет новые перспективы в нормализации устной речи» (стр. 4)²⁵. Идеалом нормализации оказывается, таким образом, полное «избавление» от вариантов, а наличие их в существующих словарях оборачивается едва ли не признанием беспомощности составителей, свидетельством недостаточной изученности соответствующих языковых явлений.

Разделяя нормализаторскую установку составителей АО-55, Л. В. Копецкий рассматривает как «шаг вперед по пути нормализации русского литературного языка» рекомендуемое этим справочником ударение *гбдны, крупны, млы, нбы* вместо двоякого (*гбдны и годны* и пр.)²⁶, дававшегося в Академической грамматике и словаре С. И. Ожегова. В действительности эти рекомендации АО-55 являются шагом назад в отражении русской литературной нормы. Чтобы убедиться в этом, необходимо обратиться к соответствующему языковому явлению.

Специальное исследование кратких форм прилагательных с подвижным ударением (проведенное автором этой статьи на материале главным образом стихотворных текстов XVIII — XX вв.) позволяет установить, что за последние 50—60 лет краткие формы множественного числа таких прилагательных изменили акцентировку. Широкое распространение получили варианты этих словоформ с ударением на флексии, которое пока не вытесняет старого ударения на основе. По крайней мере для нескольких десятков наиболее употребительных прилагательных такого типа нормой должно быть признано равноправное сосуществование вариантов: *бедны́* и *бе́дны*, *блестны́* и *бле́дны*, *близки́* и *блízки*, *верны́* и *ве́рны*, *горды́* и *гбрды*, *грустны́* и *гру́стны*, *дружны́* и *дру́жны*, *нежны́* и *не́жны*, *стройны́* и *стро́йны*, *тверды́* и *тевёрды*, *чисты́* и *чи́сты*, *ясны́* и т. п. Это явление до

²³ Г. О. В и н о к у р, Критика поэтического текста, М., 1927, стр. 60.

²⁴ Вот характерное высказывание: «... иногда даже приходится признать нормой самое наличие двух вариантов (хотя этого следует всячески избегать)» (Е. С. И с т р и н а, Нормы русского литературного языка и культура речи, М.—Л., 1948, стр. 5).

²⁵ Ср. по существу тот же текст в АО-59.

²⁶ Л. К о п е ц к и й, указ. соч., стр. 116.

сих пор не получило адекватного лексикографического отражения. Впервые оно отражено в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, но это сделано неполно и несистематично, а последующие словари и Академическая грамматика оказались едва ли не консервативнее и во всяком случае не более систематичными. Их рекомендации нуждались в существенном пересмотре, но в прямо противоположном направлении по сравнению с тем, что было сделано в АО-55.

В рассмотренном случае детальное изучение конкретного языкового явления убеждает в необходимости узаконить вариантность. В другом конкретном случае выводы могут оказаться противоположными, и в словаре окажется осуществлено то, что именуется в АО-59 «строгой нормализацией». Важно, чтобы в каждом отдельном случае словарь отразил столько вариантов, сколько реально функционирует в литературном языке, как можно точнее квалифицировав их соотношение²⁷.

Нередко задаются вопросом, должен ли нормализатор быть «консерватором», т. е. поддерживать старую норму и стремиться к тому, чтобы его деятельность способствовала некоторому замедлению языкового развития, или он должен быть «новатором» и способствовать утверждению нарождающихся норм. Обычно признается, что лексикографы-консерваторы полезнее, ибо литературный язык нуждается в стабильности. Последнее, несомненно, справедливо. Но вряд ли необходимо специально стремиться к этой цели: стабильности реально существующей нормы должна способствовать ее максимально точная кодификация.

Существуют специфические трудности описания нормы. Они связаны с тем, что в языке, кроме нормы и «не-нормы», существует множество переходных случаев. В жестких рамках словарного описания многообразие реальных фактов неизбежно должно быть сведено к ограниченному числу рубрик. Искусство составления словаря заключается в том, чтобы найти рубрики, которые смогли бы «вместить» в себя основные, наиболее типичные и существенные соотношения реальных фактов. Установившая шкалу нормативности», необходимо разработать систему оценки таких фактов, которые не выходят за пределы нормы, но находятся как бы на ее периферии. Современные знания о нормах русского литературного языка не достигают той степени точности, которая позволила бы создать дробную шкалу оценок; поэтому целесообразно ограничиться небольшим количеством рубрик. Ниже предлагается система помет для оценки сосуществующих в пределах нормы вариантов, которая несколько отличается от принятой в АО-59. Нормативные рекомендации, иллюстрирующие предлагаемые рубрики, основаны на анализе системных отношений, учитывают тенденции развития литературного языка и «степень употребления при условии авторитетности источников»²⁸.

²⁷ Л. В. Шерба в полном соответствии со своей общей нормализаторской установкой решительно высказывался против запрещения вариантности в нормативном словаре: «Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными. Нормативный словарь поступил бы в высшей степени неосторожно, если бы забраловал одну из них, руководствуясь чистейшим произволом или личным вкусом редактора...» (указ. соч., стр. 65). Ср.: К. С. Горбачевич, Границы современного в толковых словарях, «Русская речь», 1967, 2, стр. 20—21. Автор называет здесь «наивным заблуждением пуристского толка» попытки запретить один из сосуществующих в современном литературном языке вариантов, подчеркивая, что «их сосуществование (иногда и длительное) вызвано различными объективными причинами». К числу таких вариантов К. С. Горбачевич справедливо относит тип *искусствен — искусственен*. Вызывает удивление тот факт, что журнал «Русская речь», который в 1967 г. высказался в пользу отнюдь не пуристской позиции в вопросах нормализации, в 1971 г. предоставил свои страницы для наивной пуристской попытки запретить некоторые закономерно функционирующие в литературном языке варианты словоформ, в том числе — варианты типа *искусственен* (см. «Словарь произношения и ударения», № 4, стр. 153).

²⁸ Е. С. Истрина, указ. соч., стр. 19.

1. «Нулевая» нормативная помета, означающая признание двух вариантов в равной степени соответствующими литературной норме. Примеры: *волнám* и *вблнам*, *прожекторá*, *-бе* и *прожéкторы*, *-ов*, *útbу* и *избú*, *петлjá* и *пéтля*, *силънý* и *сýльны*, *ýскристý* и *искрýстý*, *глубокó* и *глубóко*, *крúжитсá* и *кружýтсá*, *сгрудítсá* и *сгрудитсá*, *заржавéть* и *заржáветь*, *бúден* и *бúдней*, *грамм* и *грáммов*, *носóк* и *носкóв*, *пáхнул* и *пах*, *свбýствен* и *свбýственен*, *ловчéе* и *лóвче*, *чтýт* и *чтут*²⁹.

2. Помета *доп.* («допустимо»), указывающая, что соответствующий вариант в меньшей степени отвечает норме, чем приведенный перед ним. Примеры: *рупóры*, *-ов* и *доп.* *рупорá*, *-бв*, *грубý* и *доп.* *грубы*, *повторít* и *доп.* *повтóрит*, *премировáть* и *доп.* *премýровать*, *отдал* и *доп.* *отдál*, *проданá* и *доп.* *прóдана*.

3. Помета *доп. устар.* («допустимо устаревающее»), дополнительно указывающая, что вариант в литературном языке постепенно утрачивается. Примеры: *грудý* и *доп. устар.* *грудí*, *деньгáм* и *доп. устар.* *дéньгам*, *рéкам* и *доп. устар.* *рекáм*, *дружит* и *доп. устар.* *дружýт*, *умéньшить* и *доп. устар.* *уменьшítь*, *собрáлся* и *доп. устар.* *собралсá*, *заводскóй* и *доп. устар.* *завбóдский*.

Система, принятая в АО-59, имеет для оценки периферийных вариантов нормы пометы «допустимо», «устарелое», «разговорное». Две последние заключают в себе идею движения нормы: утрачивающийся вариант («бывшая норма») — развивающийся вариант («будущая норма»). Второе плохо связывается с пометой «разговорное»: она неизбежно воспринимается как стилистическая (вопреки замыслу составителей АО-59). Еще существеннее то, что подобная симметричная система вообще несостоятельна: если оценка варианта как устарелого (точнее — устаревающего) опирается на реальные факты, то признание его как перспективного для «будущей нормы» заключает в себе уже некоторую претензию на прогнозирование. Кроме того, остается неясным, как соотносятся пометы «разговорное» и «устарелое» с пометой «допустимо».

В соответствии с традицией, наметившейся в словарях неправильностей, в АО-55 и в АО-59 находят отражение не только нормативные факты, но и распространенные отклонения от нормы. Лингвистический смысл таких указаний заключается в значительном расширении круга фиксируемых языковых фактов без нарушения нормативной установки словаря. Часть находящихся за пределами литературной нормы вариантов квалифицируется как своего рода «норма» той или иной профессиональной сферы употребления (например: в профессиональной речи *искрá*, *рбóлив*, *грунтéи*, у моряков *компáс*, *рапóрт*, *мичманá*, у математиков *комплéкс*), другая часть (более значительная) получает лишь отрицательную характеристику (помета «не»). Этими запретительными указаниями объединяются очень неравноценные факты: как варианты, наличие которых в речи сигнализирует о недостаточном владении литературной нормой (например, *пóртфель*, *магáзин*, *средствá*, *ходатáйствовать*, *намерéние*, *понял*, *осталóсь*, *послалá*, *предлóжить* и т. п.), так и варианты, которые хотя и не соответствуют литературной норме, тем не менее встречаются в речи людей, владение этой нормой вполне владеющих (к ним можно отнести, например, варианты

²⁹ При «нулевой» помете порядок следования вариантов незначим с точки зрения нормы (что очевидно при такой форме подачи: *крúжитсá*, *ржáветь*, *пéтля* и т. п.). Целесообразно, однако, чтобы в случае системной неравноценности вариантов их последовательность была лингвистически мотивированной. В данном перечне примеров на первом месте везде приведен тот вариант, который находится в менее стандартных соотношениях с прочими словоформами парадигмы. Например, на первом месте приведены все те варианты, которые «создают» подвижное ударение или (при колебании между двумя типами подвижности) более сложную схему подвижности (см. *útbу* — *избú*).

звбнит, *килбметр*, *правѝ*³⁰). Картина была бы более точной, если бы эти случаи были разграничены. Для «грубых» отклонений от нормы можно предложить помету «неправильное» (или «нелитературное»). Неправильности второго типа можно было бы обозначить пометой «не рекомендуется». Разумеется, распределение всех фактов между этими двумя рубриками представляет большие трудности, так как и здесь есть свои «промежуточные случаи».

Последовательное стремление максимально точно отразить реальное состояние литературной нормы позволяет обнаружить одно явление, которое до сих пор не привлекало внимания исследователей. Кратким указанием на это явление мы и заключим данную статью. Речь идет о таких случаях, когда для конкретных словоформ в русском литературном языке вообще не существует нормы. Такое положение может сложиться для редко употребляемых (особенно в разговорной практике) словоформ, если их внешняя структура позволяет реализовать в них разные возможности языковой системы. Здесь это будет показано на примере ударения кратких форм женского рода прилагательных с односложной основой. Такая структура основы допускает и подвижное и неподвижное ударения, которые противопоставлены в краткой форме женского рода: *бѣднѝй* — *бѣднѝ* и *свѝзнь* — *свѝзна*³¹. Распределение между этими основными акцентными типами не обусловлено какими-либо особенностями внешней структуры основ прилагательных, а определяется исключительно «узусом». Оказывается, что тот выбор между разными системными возможностями, на котором основано существование в языке твердой нормы для конкретных словоформ, фактически не сделан по отношению к нескольким десяткам кратких форм женского рода прилагательных, причиной чего является их крайне низкая частотность. Таковы, например, словоформы: *броска*, *вертка*, *веска*, *катка*, *клейка*, *колка*, *стойка*, *терпка*, *тряска*, *хлестка*, *цепка*, *четка*, *шатка*, *смачна*, *чинна*, *дрябла*³², акцентная норма которых не может быть установлена с той же степенью уверенности, как, к примеру, для словоформ *виднѝ*, *полнѝ*, *крепкѝ*, *яснѝ*, *страшнѝ*, *чистѝ* и др., отличающихся широкой употребительностью³³. Словоформы того и другого типа занимают в языке разное место, и уравнивает их только лексикографическая традиция, в соответствии с которой все они имеют в словарях твердую норму. Следует специально

³⁰ Эти три случая не совсем одинаковы. Как известно, вариант *звбнит* системно закономерен, и его утверждению как нормативного препятствует лишь длительное и настойчивое «общественное непризнание». Варианты же *килбметр* и *правѝ* могут быть отвергнуты как норма исходя из анализа внутрисистемных отношений. В свое время Г. О. Винокур проиллюстрировал вариантом *правѝ* свою мысль, что то или иное ударение может быть оценено как правильное или неправильное «исключительно в меру общественно-культурной авторитетности тех, кто это ударение употребляет» («Из бесед о культуре речи», «Русская речь», 1967, 3, стр. 13). Но оказывается, есть и внутрилингвистические основания для запрещения варианта *правѝ*.

³¹ Существуют разные типы подвижного ударения прилагательных, различающиеся местом ударения в кратких формах среднего рода и множественного числа: *цѣл* — *цѣлѝ* — *цѣло* — *цѣлы*, *бѣден* — *бѣднѝ* — *бѣдно* — *бѣднѝ* и *бѣдны*, *бѣл* — *бѣлѝ* — *бѣлѝ* и *бѣло*, *бѣлѝ* и *бѣлы*. Их объединяет место ударения в форме женского рода, которым они противопоставлены неподвижному ударению (ср. *свѝзень* — *свѝзна* — *свѝзньо* — *свѝзны*).

³² Исследование, позволяющее сделать это утверждение, основано на материале картотеки по ударению Института русского языка АН СССР, отражающей очень широкий круг источников. Знаменательно, что в этом материале совсем не представлены или представлены единичными примерами многие десятки кратких форм женского рода прилагательных с односложной основой, причем есть случаи, когда при наличии всего двух примеров представлены обе акцентные возможности (*тѣрпка* — *тѣрпѝ*, *дрѣбла* — *дрѣблѝ* и т. п.).

³³ Другая акцентная разновидность кратких форм женского рода — с ударением на основе — не представлена широкоупотребительными словоформами; к числу самых употребительных относятся словоформы *вѣчна*, *снѝсна*, *схѝжа*.

подчеркнуть, что «неизвестность нормы» — явление принципиально иное, чем равноправное сосуществование вариантов, о котором можно с уверенностью говорить только при широкой употребительности словоформ в речи.

Квалификация определенных словоформ как не имеющих в языке нормы — не свидетельство беспомощности исследователя и не показатель недостаточной изученности соответствующего явления. Дело обстоит как раз наоборот: обнаружить такие случаи позволяет только углубленное и детальное исследование. Различие между словами, имеющими в языке твердую норму и не имеющими ее, конечно, должно быть отражено в нормативном словаре. Практически решить эту задачу чрезвычайно трудно, но не следует на этом основании отказываться от ее решения, помня, что «трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствия искомого»³⁴.

---

³⁴ Л. В. Щерб а, указ. соч., стр. 70.